

К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Л. Соболев

«...Старейший и в своем роде несравненный историограф нашего времени...»: воспоминания ученика о профессоре Сигизмунде Натановиче Валке (части II–V)

Часть II

С. Н. Валк: «Историю нашего университета теперь надо изучать серьезно...»

Утром 1 августа 1959 г. я с волнением вошел в огромное здание Библиотеки Академии наук СССР, поднялся на второй этаж, где в конце длинного коридора в нескольких комнатах размещалось Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ) АН СССР — мое место работы. Пишу об этом значимом в моей жизни событии не по памяти, а по первой записи в трудовой книжке, копия которой была мне выдана в связи с увольнением «в порядке перевода на работу в Ленинградский государственный университет» 20 марта 1986 г. и зачислением 21 марта 1986 г. «на должность профессора кафедры истории советского общества в порядке перевода из Ленинградского отделения Института истории АН СССР». Однако я забежал вперед более чем на четверть века, и нужно вернуться к первому дню моего появления в ЛОИИ АН СССР, которое зафиксировано в трудовой книжке: «1. 1959.VIII.1. Зачислен на должность научно-технического сотрудника. Приказ № 154 от 20/VII.59». В дополнение к этой записи секретарь канцелярии сообщила, что я определен в группу истории СССР советского периода, заведующий которой С. И. Аввакумов находится в отпуске, а я буду временно придан группе истории СССР периода капитализма для работы в архиве.

Особенно тогда обрадовало, что, как явствовало из временного пропуска, моя трудовая деятельность в качестве научно-технического сотрудника начнется в Цен-

Соболев

Геннадий Леонтьевич

д-р ист. наук,
почет. проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет;
вед. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
институт истории РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

тральном государственном историческом архиве, в котором я в студенческие годы занимался под наблюдением моего учителя С. Н. Валка. На следующий день молодой сотрудник группы истории СССР периода капитализма С. И. Потолов, ожидавший меня в читальном зале, вручил мне для сверки с подлинниками толстенный том машинописных копий документов: «Монополии в металлургической промышленности России». Свалив с себя таким образом тяжкий груз, он попросил выполнить это задание в месячный срок, добавив, что в это время я могу не приходить в институт по так называемым присутственным дням, чем я в полной мере и воспользовался. Хотя эта работа оказалась для меня и несложной, но она требовала усидчивости и внимания. Тем не менее я уложился в отведенный срок, а появившийся в конце августа С. И. Потолов после знакомства с проделанной мной работой по сверке машинописных копий с оригиналами остался доволен ее качеством. С того времени мы на долгие годы стали с ним не только коллегами, но и хорошими товарищами.

В начале сентября 1959 г. я появился в длинном коридоре ЛОИИ, который по случаю так называемого присутственного дня был полон почтенными людьми, составлявшими, как я потом узнал, цвет исторической науки Ленинграда от античности до Нового времени включительно. Обсуждая после отпуска свои проблемы, они тем не менее с интересом разглядывали одетого в домашнюю вельветовую куртку новенького, который пробирался между ними, смущенно кланялся и повторял «здравствуйте», пока вдруг не услышал в ответ: «Здравствуйте, молодой человек!» Я сразу узнал неповторимый голос профессора А. Д. Люблинской, лекции которой по истории Средних веков старался не пропускать, и теперь радостно ответил: «Здравствуйте, Александра Дмитриевна!» Я считаю себя обязанным вспомнить здесь об этом выдающемся историке и замечательном человеке, с которым мне довелось работать в одном коллективе и не раз слушать на заседаниях ученого совета ЛОИИ ее увлекательно-познавательные отчеты о научных командировках во Францию, где ее труды по истории этой страны не только переводились, но по ним и учились. Что же касается возникшего в коридоре интереса к моей личности, то он заключался не в моей персоне, а в фамилии: от кого из знаменитых Соболевых этот незнакомец, и, как только любопытные сотрудники узнали, что я от Валка, меня приняли в коридоре за своего...

Познакомившись таким необычным способом почти со всем коллективом ЛОИИ, я наконец нашел и свою группу истории СССР советского периода, собравшуюся в помещении в конце коридора. Группа была организована совсем недавно и состояла из шести сотрудников, большинство из которых были бывшими сотрудниками Ленинградского института истории партии, проходившими и реабилитированными по «Ленинградскому делу» и теперь трудоустроенными в ЛОИИ. Представивший меня руководитель группы Сергей Иосифович Аввакумов, который работал в годы Великой Отечественной войны редактором «Ленинградской правды» и был директором Ленинградского института истории ВКП(б), сразу же определил мою роль в группе, назначив секретарем, в обязанности которого входило ведение делопроизводства группы и выполнение его поручений. Но человек он был интеллигентный и положением руководителя

не злоупотреблял, к тому же в то время тяжело болен (как мне рассказывали его коллеги, это явилось результатом следствия по «Ленинградскому делу»). Работавшие ранее в Ленинградском институте истории ВКП(б) Т. С. Александрова и Т. К. Треногова, также проходившие по «Ленинградскому делу», еще до освобождения Ленинграда от блокады начали стенографировать воспоминания горожан. Эти записи вошли как важные источники в рукописный фонд Ленинградского партийного архива. Проникнувшись ко мне со временем доверием, Т. С. Александрова и Т. К. Треногова рассказывали мне, видевшему блокаду из окна промерзшей комнаты, много таких деталей, о которых я не имел представления. Однако тяжелые испытания подорвали их силы и здоровье, и они вскоре ушли из группы.

Короткое время в нашей группе проработал П. Н. Михрин, трудоустроенный к нам по распоряжению из Москвы из-за его конфликта с руководством Ленинградского института истории партии.

Еще один сотрудник группы истории СССР советского периода, о котором нужно обязательно сказать, — это А. Р. Дзенискевич, с которым мы были знакомы еще по истфаку, в основном по студенческим стройкам, где Андрей в неизменной военной гимнастерке, хотя в армии никогда не служил, всегда был на первых ролях. Мы встретились как старые друзья, хотя он был на два курса старше меня, и нас объединяло разве что активное участие в летних стройках и других комсомольских акциях. Теперь мы оказались сотрудниками одной академической группы, и к тому же я должен был сменить его в должности секретаря группы, чему, как мне кажется, он был рад: слишком много времени, жаловался Андрей, отнимала эта писанина. Тогда же он признался, что давно собирает архивный материал о ленинградских рабочих в период блокады, и у него уже есть 20 тетрадей архивных выписок. «Так что ты этой темой не занимайся, — предупредил он меня полушутя-полусерьезно, — я уже далеко продвинулся». Я в том же тоне его успокоил, что не собираюсь заниматься этой проблемой, хотя сам из рабочих. Чтобы больше не возвращаться к личности А. Р. Дзенискевича, отмечу, что он написал и защитил успешно докторскую диссертацию о ленинградских рабочих в годы войны и блокады, но широкую известность приобрел после выхода книги «Блокада и политика».

Размышляя о разговоре с А. Р. Дзенискевичем, я решил посоветоваться по поводу «своей проблемы» с С. Н. Валком, которого не видел после сдачи государственных экзаменов в университете. Пока же, чтобы не тратить свободное рабочее время, записался для подготовки к кандидатским экзаменам на кафедру философии и кафедру иностранных языков, которые располагались в главном здании Академии наук на Университетской набережной. Однако и на этот раз события опередили мои планы. Столкнувшись в скором времени в коридоре ЛОИИ с С. Н. Валком, торопившимся на заседание своей группы по истории СССР периода капитализма, я получил приглашение встретиться у него дома завтра «по важному делу». На следующий день в назначенное время я сидел в его рабочем кабинете и внимательно слушал новости, которым С. Н., судя по тону его речи, придавал важное значение. Главная из них состояла в том, что на днях М. П. Вяткин обсуждал с ним предложение руководства начать

подготовку к изданию пятого тома «Очерков истории Ленинграда», посвятив его истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, но он (М. П. Вяткин) считает, что группа истории СССР советского периода по своему составу не в состоянии справиться с подготовкой этого издания и ее необходимо пополнить новыми сотрудниками и, главное, найти кандидата, который бы организовал эту подготовку. После паузы С. Н. обратился ко мне с просьбой: подготовить для сборника «Очерков по истории Ленинградского университета» статью об ученых университета в годы Великой Отечественной войны, о чем его просил и другой член редколлегии, В. В. Мавродин, который жаловался, что маститые историки под разными предлогами отказываются написать такую статью, помня еще о репрессиях, обрушившихся на ученых университета в период реакции, сфабриковавшей «Ленинградское дело». По мнению С. Н. Валка, настала пора мне заняться самостоятельно научной работой, а «историю нашего университета надо изучать серьезно». Я еще не знал, что совсем недавно «серьезное изучение истории нашего университета» было отвергнуто, а статья С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», опубликованная в 1948 г., подвергнута разгромной критике.

Находившийся в цоколе главного здания текущий архив университета произвел на меня удручающее впечатление: архивные дела лежали на полках в беспорядке и без пагинации страниц. За несколько дней просмотра архивных дел удалось обнаружить только один ценный документ — копию отчета университета за 1941/42 учебный год. Как мне показалось, такое положение дел в архиве не стало большой неожиданностью для С. Н. Валка. Неудивительно, что тогда я не мог обнаружить в университетском архиве приказ ректора ЛГУ А. А. Вознесенского от 20 апреля 1947 г. о создании общеуниверситетской комиссии по истории Ленинградского университета в Великой Отечественной войне, который будет опубликован только в 2010 г.¹ В приказе отмечалась «инициатива исторического факультета по организации сбора документов и материалов, посвященных деятельности ЛГУ в годы Великой Отечественной войны»². Историки играли ведущую роль и в созданных внутри общеуниверситетской комиссии секциях: профессор С. Н. Валк возглавлял архивную секцию, профессор О. Л. Вайнштейн — библиотечно-библиографическую³.

Как известно, бывший ректор ЛГУ А. А. Вознесенский был в числе 26 главных «преступников», расстрелянных по «Ленинградскому делу» в 1950 г. Активная деятельность общеуниверситетской комиссии по истории ЛГУ в Великой Отечественной войне прекратилась, хотя впоследствии ее функции были частично возобновлены Советом ветеранов Великой Отечественной войны университета. По мнению известного историка профессора В. А. Кутузова, Ленинградский университет пострадал по «Ленинградскому делу» в наибольшей степени по сравнению с остальными вузами нашего города. За два года самого мрачного периода в истории ЛГУ — с конца 1940-х по 1952 г. — из университета изгнали почти 300 профессоров и преподавателей в основном из гуманитарных факультетов: исторического, философского, экономического и филологического⁴.

Разумеется, студентам об этих мрачных временах знать было не положено. Поступив в 1954 г. на исторический факультет, я не подозревал, что

уважаемый и обожаемый профессор В. В. Мавродин, который первым читал вводную лекцию для нас, первокурсников, совсем недавно вернулся на факультет и на свою кафедру истории народов СССР, от заведования которой он был освобожден в результате ложных обвинений. Уволенный с этой кафедры доцент В. А. Овсянкин, под научным руководством которого я потом на 3-м курсе писал курсовую работу о Бакинской коммуне в годы Гражданской войны, с трудом получил место ученика токаря на Кировском заводе⁵. Я горжусь тем, что много лет спустя вернулся на исторический факультет по рекомендации В. А. Овсянкина, первого заведующего кафедрой истории советского общества, заведовать этой кафедрой.

Собирая материал для своей статьи в ленинградских архивах (кроме Архива ЛГУ, мне удалось благодаря содействию С. Н. Валка познакомиться с документами профессионального союза работников высшей школы Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда и фонда ЛГУ в Ленинградском партийном архиве), я интересовался в первую очередь деятельностью видных ученых, работавших на оборону города. Такой акцент на архивные источники и содержащиеся в них факты при первом же обсуждении текста моей статьи на редколлегии сборника вызвал возражения большинства ее членов, считавших, что в таком виде статья «не пройдет» и рекомендовавших опираться на факты, имеющиеся в вышедшей литературе. Доводы С. Н. Валка, призывавшего оставить статью в редакции автора, не были приняты во внимание другими членами редколлегии, и потому пришлось согласиться на доработку статьи, в процессе которой она претерпела существенные изменения за счет внесения в текст опубликованных материалов. На этом злоключения моей статьи не закончились: по дошедшим до меня сведениям, она была затребована в партком ЛГУ, где в ней нашли много «сомнительных персоналий». И все же в середине 1962 г. в издательстве Ленинградского университета вышел первый том «Очерков по истории Ленинградского университета»⁶, в котором была помещена и моя статья⁷. Ее появление — прежде всего заслуга С. Н. Валка. Я очень гордился первыми в моей биографии авторскими оттисками.

Отвечая сегодня на вопрос, соответствовало ли содержание статьи ее названию, я думаю, что такое название появилось в результате доработки и редакторской правки. «Автор преследовал более скромную цель, — подчеркивается в статье, — рассказать о ведущих ученых университета в годы войны, опиравшихся в своей деятельности на большой коллектив ассистентов, лаборантов, аспирантов и студентов. Осуществление учеными ряда научно-исследовательских работ, имевших важное теоретическое и оборонно-практическое значение, оказалось возможным благодаря тесному творческому сотрудничеству всех научных работников университета...»⁸ И с этой задачей, как мне кажется, я справился. Я не пытался преуменьшить трудности и потери, понесенные Ленинградским университетом в годы войны и блокады, и первым из исследователей опубликовал обнаруженные в отчете ЛГУ за 1941/42 учебный год сведения о том, что за период голодной блокады профессорско-преподавательский коллектив университета потерял около ста своих сотрудников⁹.

Вышедшая позднее в результате многолетних разысканий ветеранов Великой Отечественной войны и профессиональных историков «Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета» подтвердит, что за время войны и блокады ЛГУ потерял по меньшей мере более тридцати профессоров и свыше шестидесяти доцентов¹⁰.

Встретив меня в ЛОИИ после выхода «Очерков истории Ленинградского университета», С. Н. Валк, как мне показалось довольный, сказал: «Ну вот, теперь напишите книгу обо всех ленинградских ученых». Тогда я не принял его слова всерьез, тем более в скором времени увидел на выставке новых поступлений в Библиотеке АН СССР книгу А. В. Кольцова «Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943)». Хотя в ней рассказывалось только о сотрудниках ленинградских научных учреждений АН СССР, она едва не помешала впоследствии появлению в печати моей монографии «Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны», рукопись которой первоначально «вылетела» из плана изданий редакционно-издательского совета АН СССР на 1966 г., как дублирующая вышедшую ранее книгу А. В. Кольцова. Но его величество случай не позволил свершиться этой несправедливости, о чем я и хочу рассказать.

Примерно в то время, когда состоялся разговор с С. Н. о моих планах, меня пригласил ученый секретарь ЛОИИ, чтобы сообщить две новости: во-первых, мне присвоено ученое звание младшего научного сотрудника; во-вторых, администрация ЛОИИ командует, по рекомендации профессора С. Н. Валка, младшего научного сотрудника Г. Л. Соболева в распоряжение директора Института истории АН СССР В. М. Хвостова для выполнения поручений по подготовке к переизданию второго тома «Истории дипломатии». Поджидавший меня С. Н. был, конечно, в курсе моей командировки и успокоил, что он поможет в случае необходимости справиться с заданием, которое я должен был получить завтра утром от приезжавшего из Москвы В. М. Хвостова в гостинице «Англетер». Я и сейчас с волнением вспоминаю, с каким трепетом переступил на следующее утро ровно в назначенное время порог гостиничного номера московского директора, и его пристальный взгляд на своего худосочного помощника, явившегося за отсутствием парадного костюма в вельветовой куртке. К счастью для меня, наша встреча длилась несколько минут: усадив меня за огромный стол, на котором была разложена корректура его второго тома «Истории дипломатии», В. М. Хвостов объяснил мою задачу — проверить правильность цитирования встречающихся в ней дипломатических документов и, не продолжая разговор, сложил корректуру в папку и протянул ее мне, заметив, что его заверили, что я справлюсь с заданием за две недели. Кивнув головой в знак согласия и так не произнеся ни слова, я покинул номер московского директора, чтобы больше его никогда не увидеть. Я действительно справился с заданием с помощью моего Учителя, который ответил на все мои вопросы и преподнес мне несколько блестящих уроков практического источниковедения. Изыскания, состоявшие из обнаруженных мной немногочисленных погрешностей в цитировании документов, вместе с потрепанной корректурой были отправлены специальной почтой в Москву. Однако в вышедшем в 1963 г. втором томе «Истории дипломатии» академика В. М. Хвостова¹¹ следов моего

участия в подготовке корректуры к печати я не обнаружил, хотя льщу себя надеждой, что, когда встал вопрос о публикации моей исключенной из плана монографии, В. М. Хвостов не только из уважения к ленинградским ученым распорядился вернуть ее в план, вспомнив, возможно, и визит своего молчаливого помощника в гостинице «Англетер».

Перечитывая через много лет в сохранившемся оттиске мою первую статью, получившую тогда определенный резонанс среди университетских историков и особенно в издательстве, где его работники не смогли помешать ее появлению в первом выпуске «Очерков по истории Ленинградского университета», я с огромной благодарностью вспоминаю моего Учителя. Конечно, С. Н. хотел помочь мне утвердиться в новом коллективе и в первую очередь в группе истории СССР советского периода, в которой — как он, в отличие от меня, уже понимал, — я останусь надолго. Как я теперь думаю, помимо этого интуитивного понимания, в нем говорило еще и желание дать слово молодому историку, который опирался бы только на источники.

Сам С. Н. Валк, насколько я помню, ни на своих семинарах, ни за чашкой чая со своими учениками по случаю дня его рождения предпочитал не касаться разговоров о своей жизни в период войны и блокады. Только однажды, после переезда в отдельную квартиру на Гражданский проспект, С. Н. получил возможность показать нам свою коллекцию картин художников Серебряного века. На одном из декабрьских чаепитий у С. Н. самая образованная из нас студентка N, увидев среди этих картин «Портрет работницы в красном платке», заметила, что она совсем недавно видела в Русском музее эту картину, открывавшую выставку художника К. С. Петрова-Водкина. И тогда С. Н. рассказал нам, как попала к нему эта картина. Незадолго перед тем, как он был эвакуирован, уже глубокой осенью, самолетом в числе виднейших ленинградских ученых в Ташкент, к нему зашел знакомый коллекционер и попросил его помочь вдове К. С. Водкина — купить у нее какую-либо картину: она бедствует, у нее нет денег даже на то, чтобы выкупить хлеб по карточке. Приобретя у вдовы одну из работ художника, С. Н. уже спускался по темной лестнице, когда на выходе его догнала вдова и вручила в знак благодарности за помощь «Портрет работницы в красном платке» (на который с тех пор я стал обращать не меньше внимания, чем на помещенный на самом видном месте «Автопортрет Зинаиды Серебряковой»). Жизнь самого Валка, находившегося уже третий месяц в заблокированном Ленинграде вместе с больной супругой, была полна бытовых трудностей и полной неопределенности в отношении эвакуации из города. Директор Архива АН СССР Г. А. Князев в своем блокадном дневнике записал 30 октября 1941 г.: «...заходил С. Н. Валк, историк-архивист, очень талантливый, но взбалмошный. Вид у него совсем растерянный. Суетится еще более, чем обычно...»¹² Наконец, в ноябре последовало распоряжение СНК СССР об эвакуации из Ленинграда воздушным путем 1200 наиболее видных работников науки¹³. 12 ноября 1941 г. Г. А. Князев отметил факт эвакуации С. Н. Валка, который «накануне отлета был у нас в Архиве»¹⁴.

Выбравшись из осажденного Ленинграда, эвакуированные добирались разными путями до конечного пункта — Ташкента, где в конце концов встре-

тились, чтобы в трудах и заботах пережить ташкентскую эпопею. Близкий друг и коллега С. Н. Валка, профессор Б. А. Романов, в письме к жене от 11 февраля 1942 г. без всяких прикрас и жалоб описал бытовые проблемы неприспособленных к такой жизни ленинградцев. «Если бы искать здесь комнату — это сразу проблема, — писал Б. А. Романов, — сразу надо несколько сотен руб<лей>: дрова, керосин, всякое обзаведение и оплата площади по конвенционной цене (ок. 100 р. в месяц). Валки и Предтеченские поэтому до сих пор живут в общежитии в Хануме, не решаясь в это плавание. За полмесяца жизни Валк получил 311 р. (!), а они двое. Один обед не дешевле 5–6 р., да дополнительная еда рубля по 3–4, не говоря уже о пайке, который на двоих не менее 200–300 р. в месяц. Словом, бюджет у них остается несведенным. Дополнительного заработка он здесь достать не может...»¹⁵

Однако бытовые проблемы не могли помешать ленинградским историкам обсуждать и научные проблемы. Б. А. Романов в письме к жене от 23 марта 1942 г. сообщает: «Подсчитываем Ленинградскую школу историков: Валк, Смирнов, я — вот все, не считая Б. Дм-ча [Грекова]. Вымирающая порода!»¹⁶ В продолжение этого сообщения он пишет жене 7 июня 1942 г.: «Свидания на бульваре: Валк, Смирнов, я. Вопрос об уточнении моего участия в сборнике об Иване Грозном»¹⁷. 12 сентября 1942 г. Б. А. Романов делится с женой хорошей новостью: «Образовывается маленькая группа в Институте истории по Ивану Грозному: Смирнов, Греков, Виппер, Валк, я и др.»¹⁸. 11 ноября 1943 г. он отправляет жене из Ташкента открытку, в которой пишет, что Валк вызван в Москву возглавить сектор вспомогательных исторических дисциплин: «Это большое дело, и как раз по нем»¹⁹.

В Ташкенте была начата подготовка «Истории русской культуры». Авторами задуманного капитального издания стали известные ленинградские и московские историки из Института истории АН СССР. Из Ленинградского отделения в нем участвовали С. Н. Валк, Ш. М. Левин, А. В. Предтеченский, И. И. Смирнов, из Москвы — М. В. Нечкина, Н. М. Дружинина и др.²⁰ 25 июля 1945 г. С. Н. Валк председательствовал на собрании сотрудников гуманитарных учреждений Ленинграда, на котором выступил с докладом переехавший к этому времени в Москву академик Е. В. Тарле²¹. С начала 1945/46 учебного года С. Н. активно включился в учебную жизнь исторического факультета, организуя новые учебные курсы.

Узнавая новые факты нелегкой жизни Учителя в военные годы, я со временем приблизился к пониманию мотивов его поступков, сдержанности и одновременно порядочности по отношению к своим родным. Уже после войны С. Н. догнала печальная весть о гибели его матери и двух сестер в концлагере в Западной Белоруссии. Служивший в этом лагере охранником поляк выполнил просьбу его матери, которая перед расстрелом «просила передать в Ленинград проф<ессору> Валку дешевый дутый браслет, свадебный подарок мужа»²². Несомненно, эта невосполнимая потеря самых близких людей не могла не повлиять на характер и поведение С. Н. и, конечно, пагубным образом отразилась на состоянии его здоровья.

Часть III Юбилей Учителя

С начала 1960-х гг. наша группа истории СССР советского периода, в которой мне суждено было стать «старожилом», начала заметно пополняться новыми сотрудниками и аспирантами. Первым пришел, точнее сказать, перешел из Архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда с должности заместителя директора архива на должность младшего научного сотрудника Юрий Сергеевич Токарев. Я познакомился с ним в архиве, когда собирал материалы об ученых университета, и не раз получал от него умные советы. Сам Ю. С. Токарев, будучи юристом по образованию, подготовил к этому времени кандидатскую диссертацию о революционном правотворчестве в период Октябрьской революции и Гражданской войны и являлся известным специалистом, с работами которого был знаком С. Н. Валк, высоко ценивший в нем талант исследователя-источниковеда. Может быть, поэтому между нами сразу возникла взаимная симпатия, и, хотя Ю. С. Токарев был старше меня на десять лет и в конце войны даже воевал на фронте, он старался ни в чем не показывать свое преимущество, а свое мнение по поводу моих работ высказывал в форме дружеских советов.

И тем не менее я был приятно удивлен, когда Ю. С. Токарев предложил мне написать совместную статью для готовившегося сборника статей в честь 75-летия со дня рождения С. Н. Валка. Я тоже получил приглашение участвовать в этом сборнике и собирался взять для сообщения что-нибудь из своей дипломной работы, но даже не упомянул об этом, а сразу же с благодарностью согласился на предложение Ю. С. Токарева. Он предлагал написать статью о созданном в 1918 г. Петроградском историко-революционном архиве, в котором начинал свою трудовую деятельность после революции С. Н. Валк и о котором было мало что известно. Теперь оставалось только пойти в архив на ул. Войнова, 34, где раньше работал Ю. С. Токарев, и в фонде Центрархива познакомиться с документами Петроградского историко-революционного архива за 1918–1923 гг. Это должен был сделать я, поскольку Ю. С. Токарев в это время форсировал окончание своей кандидатской диссертации. Судя по тому, что после моего «сидения» в архиве мы обсуждали мои материалы дома у Ю. С. Токарева и подготовили на их основе статью, я со своей ролью справился.

Петроградский историко-революционный архив сыграл без преувеличения исключительную роль в научной биографии С. Н. Валка, в его становлении как выдающегося специалиста в области источниковедения и археографии. Эту роль ярко высветил Б. А. Романов в своем выступлении в Ленинградском университете на заседании, посвященном 60-летию С. Н. Валка. «Никакая фортуна, кроме самой фортуны, — говорил он, — не могла бы придумать ничего лучше на том этапе для Сигизмунда Натановича, как посадить его в Историко-революционный архив с его богатейшим материалом и с интереснейшим людским окружением. Несомненно, это был еще и очень давний предмет его интересов...»²³ Это был еще и очень трудный этап в его жизни. Когда однажды я спросил у С. Н., какие обстоятельства привели его в Петроградский историко-революционный

архив, он ответил с улыбкой: «Жизненные, в том числе и продовольственный паек». Подтверждением тому были и архивные свидетельства. Когда я собирал материалы о Петроградском историко-революционном архиве в годы Гражданской войны, в фонде Центрархива неожиданно для себя обнаружил ордер на получение шинели, выданный С. Н. Валку руководителем Петроградского бюро Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии) В. И. Невским в благодарность за научные консультации. На мой вопрос, как этот ордер оказался в архиве, С. Н. ответил, что за отсутствием на складе подходящих размеров шинелей, он сдал ордер в архив...

Говоря о научно-организационной стороне деятельности С. Н. в Петроградском историко-революционном архиве, замечу, что она была в высшей степени результативной и плодотворной. Все сотрудники архива начинали с собирания и перевозки архивных материалов в здание Сената, а затем проделали огромную трудоемкую работу по разборке, приведению в порядок и научному описанию принятых материалов.

Получивший в свое распоряжение документы Департамента полиции со всей оперативно-разыскной частью, С. Н. Валк, по его собственному признанию, прежде всего нашел дело, заведенное на него самого. «Очень любопытно, — удивлялся он, — ни одного из посещавшихся мною студенческих кружков за мной записано не было, зато я числился членом нескольких, к которым я не имел никакого отношения»²⁴.

Б. А. Романов, назвавший в 1948 г. С. Н. Валка на его 60-летию в Ленинградском университете «старейшим и в своем роде несравненным историографом нашего времени»²⁵, запомнил его совсем другим в 1918 г., в период совместной работы в Петроградском историко-революционном архиве. «1918-й год, — вспоминал Б. А. Романов. — Место действия — Главархив. Еще точнее — 2-й этаж левого крыла здания б<ывшего> Сената. Узкая комната в одно окно лицом на Красную улицу. Это Историко-революционный архив с богатым фондом Департамента полиции, а комната эта — резиденция нашего С<игизмунда> Н<атановича>. Он поистине неузнаваем. Свободная поза, раскованная жестикуляция, легкая подвижность всей фигуры, благодная приветливость и никакой складки на лице... А какой разговорчивый, даже словоохотливый, почти совсем как сейчас. Я бы сказал — полное преображение»²⁶.

К тому, что рассказал Б. А. Романов о совместной работе с С. Н. Валком в Историко-революционном архиве, я могу добавить некоторые детали, которые запомнил из рассказов самого С. Н. Я не исключаю, что в «узкой комнате» в одно окно лицом на Красную улицу бывал часто А. Г. Шляпников, приезжавший в годы Гражданской войны советоваться с Валком относительно использования документов Департамента полиции в своих воспоминаниях. Народный комиссар труда в первом составе Совета народных комиссаров, особо уполномоченный по заготовке хлеба для промышленных районов России в 1918 г., член Реввоенсовета Южного фронта и еще много других обязанностей исполнявший А. Г. Шляпников тем не менее написал свои воспоминания «Канун семнадцатого года», «Семнадцатый год» и при приезде в Петроград между боями подарил их С. Н. Валку с короткой надписью: «Тов. Валку от автора». Именно благодаря

документальным приложениям и широкому использованию архивных материалов в тексте воспоминания А. Г. Шляпникова представляют научный интерес и поныне. В 1960-е гг. эти книги достались мне. Позднее С. Н. Валк передал мне также первую и вторую части второго издания «Кануна семнадцатого года», на титульных листах которых были лишь пометы о приобретении: «С. Н. Валк. 10.VI.1924». Из этого следует, что к тому времени С. Н. уже не получал от автора дарственные книги, но следил за их выходом и приобретал даже вторые и третьи издания. Как известно, А. Г. Шляпников был активным членом «Рабочей оппозиции» и в 1930-е гг. неоднократно арестовывался, а в 1937 г. приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР. Реабилитирован в 1988 г. Хранение книг А. Г. Шляпникова было небезопасно, можно было и срок получить за «укрывательство» «контрреволюционной» литературы, но С. Н. Валк все же их хранил и даже передал своим ученикам как эстафету.

В качестве послесловия к истории Петроградского историко-революционного архива хочу рассказать о поразительном открытии, которое я сделал, работая над воспоминаниями о моем Учителе. «Узкая комната в одно окно», о которой рассказал в своих воспоминаниях Б. А. Романов, могла стать местом заседания научного совета при Архивном управлении исполкома Ленгорсовета, и я, как член этого совета, мог неоднократно бывать в помещении, не подозревая, что много лет назад здесь торжествовал свое восхождение на архивный олимп мой Учитель.

13 декабря 1962 г. исполнилось 75 лет Сигизмунду Натановичу Валку и 50 лет его научной и педагогической деятельности. Эта дата в жизни выдающегося ученого не могла пройти незамеченной в исторической науке, и его тепло поздравили многие научные учреждения страны, коллеги и ученики. В честь С. Н. Валка был подготовлен специальный сборник статей — «Исследования по отечественному источниковедению», в который, по моим подсчетам, представили свои исследования почти сто видных ученых, в том числе академики М. П. Алексеев, Н. М. Дружинин, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров и др. К сожалению, этот ценный сборник задержался в печати почти на два года и вышел в издательстве «Наука» только в середине 1964 г.²⁷ Особую ценность здесь представляет список научных трудов С. Н. Валка, тщательно составленный кандидатом исторических наук И. А. Баклановой²⁸. Список отражает с исчерпывающей полнотой различные периоды научного творчества С. Н. Валка. Из него, в частности, видно, что в первые годы работы в Петроградском историко-революционном архиве С. Н., в силу занятости научно-организационной работой, почти не имел возможности публиковаться. И только начиная с 1922 г. количество его публикаций заметно увеличивается.

Юбилейный сборник открывался нашей с Ю. С. Токаревым статьей²⁹, что для ее авторов было неожиданно. Один из составителей сборника позднее раскрыл эту загадку. По его версии, причиной нашего «взлета» стала инициатива самого юбиляра, к которому обратились составители с просьбой посмотреть нашу статью еще до сдачи в печать, чтобы определить в какой раздел сборника ее поместить. По прочтении С. Н. одобрил ее научный характер, отметив при этом, что она основана на добросовестном изучении источников о деятель-

ности Петроградского историко-революционного архива и его сотрудников и не содержит славословий в адрес юбиляра. Поэтому он посоветовал поместить статью в начало сборника. Сейчас я думаю, что в этом проявилась и определенная симпатия к авторам статьи, в первую очередь к Ю. С. Токареву, которого он ценил как тонкого источниковеда, сумевшего расшифровать не поддававшиеся ранее никому черновые записи протоколов заседаний Петроградского совета в первые месяцы после Февральской революции. К сожалению, смерть Ю. С. Токарева не позволила ему закончить задуманное исследование истории Петроградского совета в начальный период его деятельности, основанное на всем комплексе архивных и опубликованных документов³⁰.

Часть IV **О блокадном томе истории Ленинграда**

Первые публикации убеждали меня не только в научной самостоятельности, но и в необходимости окончательно определиться в своих планах и намерениях. Тем более что на одном из последних заседаний нашей группы истории СССР советского периода ее заведующий С. И. Аввакумов, представляя нового сотрудника — преподавателя истории военно-морского искусства Военно-морской академии, кандидата военно-морских наук В. М. Ковальчука, многозначительно сказал, что новому сотруднику поручено администрацией ЛОИИ возглавить подготовку к изданию пятого тома «Очерков истории Ленинграда», посвященного его истории в период Великой Отечественной войны. Благодаря администрации и коллектив за оказанное ему доверие, В. М. Ковальчук добавил, что ему также поручено руководство авторским коллективом, который еще предстоит сформировать. После окончания заседания новый сотрудник попросил меня задержаться, чтобы предложить мне стать ответственным секретарем еще не созданной редакции и помочь ему в составлении чернового варианта плана-проспекта пятого тома «Очерков истории Ленинграда». На правах руководителя авторского коллектива он также предложил мне выбрать тему для одной из глав по культуре и науке.

На следующий день после судьбоносного заседания нашей группы я решил поехать в ЛОИИ раньше присутственного времени, чтобы посоветоваться с С. Н. до назначенной мне В. М. Ковальчуком встречи. Успев в последний момент перехватить С. Н. у комнаты, где должен был заседать его сектор, я с удивлением узнал, что он, оказывается, уже был в курсе моих дел и дал В. М. Ковальчуку, которого помнил еще студентом, согласие на то, что я остаюсь в группе истории СССР советского периода с «постоянной пропиской» (выражение В. М. Ковальчука, пришедшего к нам из Военно-морской академии полковником в отставке). Такой оборот событий не только снимал с меня вдруг неожиданно возникшее чувство вины перед своим Учителем, но и стимулировал желание сделать изучение истории Ленинграда в период Великой Отечественной моей плановой темой работы в ЛОИИ на обозримую перспективу. Встреча с В. М. Ковальчуком только укрепила это желание, поскольку новый сотрудник сразу же заявил о себе как о стороннике академических

принципов подготовки пятого тома истории Ленинграда и хотел, чтобы все принципиальные вопросы обсуждались при участии авторского коллектива. Одобрив мое предложение написать главу о научной работе и высших учебных заведениях, он призвал меня научиться совмещать свои личные научные планы с организационной работой по подготовке ответственного издания, которое будет на контроле партийных и советских органов власти. «От наших с вами первых шагов, — резюмировал В. М. Ковальчук, — будет во многом зависеть успех нашего издания». Хотя В. М. Ковальчук был старше меня на двадцать лет, он держался со мной как с равным и был всегда внимателен и доброжелателен. Узнав, что мой отец погиб на Ленинградском фронте при прорыве блокады, а мы с мамой так и не смогли найти деревню Дубки, указанную в похоронке как место его захоронения в братской могиле, он предложил «поколесить» по области на своей «Победе». И хотя наши поиски не увенчались успехом, эта человеческая забота глубоко тронула меня.

Наши взаимоотношения не изменились и тогда, когда В. М. Ковальчук был назначен заведующим группой истории СССР советского периода вместо скончавшегося после тяжелой болезни С. И. Аввакумова. Нам хватило несколько вечеров, чтобы набросать для обсуждения черновой вариант плана-проспекта пятого тома «Очерков истории Ленинграда» в коммунальной квартире В. М. Ковальчука на улице Глинки, где он с супругой М. А. Ковальчук и двумя сыновьями школьного возраста проживал в двух комнатах. С определением основных проблем тома находились и нужные авторы. Подлинной для нас находкой стал Борис Иванович Загурский, возглавлявший в годы блокады отдел искусства исполкома Ленгорсовета. Он не только охотно согласился написать главу об искусстве блокадного Ленинграда, но и познакомил нас с личным архивом, уникальные документы которого легли в основу этой главы. Во время одной из командировок в Москву для работы в архивах мы встретились с московским историком А. В. Карасевым, автором опубликованной в 1959 г. замечательной книги «Ленинградцы в годы блокады». Воевавший на Ленинградском фронте Александр Васильевич горячо одобрил подготовку нашего академического издания и обещал написать для него, если позволит здоровье, одну из центральных глав — «Голодная зима 1941–1942 гг.».

В условиях запретов и ограничений на допуск к документам периода Великой Отечественной войны, царивших в наших архивах, компетентность автора играла едва ли не главную роль. Попытка нашего руководства получить разрешение на допуск к собранным в Институте марксизма-ленинизма документам для написания шеститомной истории Великой Отечественной войны успеха не имели: из всех авторов только В. М. Ковальчук, имевший допуск к секретным документам, получил разрешение. В результате руководителю авторским коллективом пришлось «добывать» новые источники для остальных авторов.

Собирая материалы о деятельности ленинградских ученых в годы войны и блокады, я узнал от работавшей в архиве моей однокурсницы, что интересующие меня документы Городской комиссии по рассмотрению и реализации оборонных изобретений поступили в открытый для посетителей доступ. По-

скольку в этом архиве читателям описи документов не полагались, я должен был с письмом-просьбой от моего института обращаться к заместителю директора архива по научной работе за разрешением ознакомиться с этими документами. Разговор чиновника со мной был короткий: во-первых, эти документы секретные; во-вторых, этой темой он занимается сам и мне советует о ней даже не думать, — и для убедительности показал на сваленные в углу в его большом кабинете папки с документами. Встретив в ЛОИИ С. Н. Валку, я пожаловался на самоуправство архивного начальника, но он меня успокоил: «Пишите спокойно вашу главу, потому что этот человек никогда еще ничего не написал» — и посоветовал серьезно подумать над тем, чтобы написать диссертацию об ученых Ленинграда в годы войны и блокады.

По правде говоря, я и сам стал об этом думать еще со времени эпопеи с подготовкой и публикацией статьи об ученых Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны, но теперь настоящий совет Учителя заставил меня покончить со своими сомнениями и колебаниями. В течение почти целого года я приходил каждый вечер в читальный зал Государственной публичной библиотеки (ГПБ), где на хорах в последнем ряду стоял стол с моими материалами и охранной табличкой «дежурный сотрудник», и погружался в блокадный мир ленинградских ученых, с трудами которых я уже успел познакомиться в Рукописном отделе ГПБ по неизданным корректурам. Ровно в 22 ч я уходил с последними посетителями читального зала, чтобы успеть на стоявший прямо у входа в ГПБ автобус маршрута № 70 в мой Невский район.

Однако очень скоро мое постоянное пребывание по вечерам в ГПБ было замечено коллегами из ЛОИИ, и о моей «прописке» стало известно С. Н. Валку, который при нашей встрече поинтересовался, когда я закончу свою диссертацию. Но особенно меня поразила его осведомленность о появившемся на доске объявлений в ГПБ официальном сообщении о предстоящей защите кандидатской диссертации Г. Л. Соболева «Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны». Но С. Н. еще не знал, что официальным оппонентом на моей защите согласился быть московский историк А. В. Карасев, который, несмотря на недомогание, приехал в Ленинград и блестяще выступил. В силу ряда причин С. Н. Валк, будучи инициатором написания мной диссертации, не был официально утвержден ее научным руководителем. Дело в том, что я не учился в аспирантуре и не состоял в ЛОИИ соискателем. Поэтому в автореферате диссертации имя научного руководителя отсутствовало, и С. Н. с его щепетильностью не проявлял особой активности в моих диссертационных делах.

В оригинальной книге воспоминаний известного историка Р. Ш. Ганелина содержится немало уникальных фактов, связанных с подготовкой пятого тома «Очерков истории Ленинграда». Однако некоторые события в них смещены во времени. Вряд ли в начале 1960-х гг. «наш новый коллега в ЛОИИ В. М. Ковальчук стал приводить к нам военачальников и устраивать их выступления»³¹. Как не могло быть и первым из заседаний ученого совета в начале 1960-х гг. «заседание по поводу написания “блокадного” тома “Истории Ленинграда”»³². Эти факты в действительности связаны непосредственно с празднованием 20-летия полного освобождения Ленинграда от блокады и приездом ряда

видных военачальников, имевших непосредственное отношение к его обороне и освобождению от блокады. Пишу об этом со всей ответственностью секретаря редакции пятого тома «Очерков истории Ленинграда», который, не участвуя в «посиделках» с генералами, был в курсе этих событий как их участник.

Не могу не согласиться с Р. Ш. Ганелиным в том, что к приглашенному на празднование бывшему командующему Ленинградским фронтом генералу М. С. Хозину было проявлено «пренебрежительное отношение со стороны городского руководства»³³. Мемуарист здесь сочувствует заведующему ЛОИИ Н. Е. Носову по поводу того, что ему пришлось устраивать Хозина в «заштатную гостиницу» и «хлопотать ему билет на торжественное заседание в театр»³⁴. Правда, к этому следует добавить и другие факты «пренебрежительного отношения»: встречать и сопровождать генерала было поручено молодому научному сотруднику Г. Л. Соболеву, и устраивать в «заштатную гостиницу» на Тамбовской улице тоже ему, и ожидать затянувшегося приезда машины из гаража Академии наук СССР, чтобы отвезти почетного гостя на «торжественное заседание в театр», пришлось тоже ему. В благодарность от генерала он получил взволнованно рассказанную героическую и трагическую историю 2-й ударной армии весной — летом 1942 г.

Кстати, в связи с состоявшимся торжественным заседанием в театре, на которое мне пригласительный билет не был положен по чину, хочу рассказать об одном малоизвестном факте, связанном с докладом на этом заседании первого секретаря Ленинградского обкома партии. На следующий день этот доклад был полностью напечатан в «Ленинградской правде», и я с особым интересом стал его изучать. Этот «особый интерес» объяснялся тем, что материалы к этому докладу готовили два института — Ленинградский институт истории партии и ЛОИИ АН СССР, и я с удовольствием увидел, что в доклад попала значительная часть наших материалов. Как один из составителей этих материалов я мог бы торжествовать в споре с нашими перестраховщиками из партбюро, которые, обсуждая представленные материалы, высказались за редактирование разделов, касавшихся голода и смертности в период первой блокадной зимы, и даже пригласили в качестве третьей стороны беспартийного С. Н. Валка (!). Однако теперь составители оказались в затруднительном положении: их материалы, взятые из еще не опубликованных глав пятого тома «Очерков истории Ленинграда», были напечатаны в «Ленинградской правде», что позволило бы впоследствии обвинить авторов этих глав в плагиате. Поэтому перед сдачей рукописи в печать пришлось внести в эти главы определенную правку.

Здесь уместно напомнить, что партийное руководство города придавало большое значение выходу в свет этого фундаментального издания, состоявшего из 29 глав, и стремилось контролировать его подготовку. В редколлегию пятого тома «Очерков истории Ленинграда» были делегированы секретарь Ленинградского горкома партии Ю. И. Заварухин, заведующий отделом науки Ленинградского обкома партии Г. П. Александров, директор Ленинградского института истории партии С. П. Князев. Москва была представлена в редколлегии начальником отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС генералом Е. А. Болтиным. Только ответ-

ственный редактор пятого тома «Очерков истории Ленинграда» В. М. Ковальчук мог бы дать точное представление о том, сколько визитов ему пришлось нанести в Смольный в период подготовки издания к печати.

В процессе подготовки пятого тома в его авторском коллективе не мог не возникнуть вопрос о жертвах среди населения блокадного Ленинграда. Этот вопрос обсуждали и в нашей группе истории СССР советского периода, сотрудники которой пережили «смертное время». Не могли мы с В. М. Ковальчуком не затронуть этот «жгучий» вопрос в Москве, и при встрече с А. В. Карасевым, не без «наводки» которого, как я теперь полагаю, редакция журнала «Вопросы истории» предложила подготовить по этой запретной ранее теме специальную статью. Соглашаясь на это предложение редакции центрального исторического печатного органа, мы стремились выступить в роли самостоятельных ленинградских исследователей, которые, анализируя документы Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, поступивших в Чрезвычайную государственную комиссию, пришли к выводу о необходимости пересмотра официальных данных о смертности ленинградцев в результате голодной блокады. Хотя наши надежды оправдались не в полной мере: в последний момент редакция, не согласовав с авторами, сильно сократила нашу статью и поместила ее в разделе «Заметки», добавив к нашему академическому названию свое литературное, чем заметно усилила к ней общественный интерес³⁵. Об этом я могу судить даже по реакции итальянской общественности, которую наблюдал в 1972 г. в Генуе, участвуя в составе советской делегации на международной конференции. Приходя на встречу с советской делегацией, в составе которой был один ленинградец-блокадник, члены общества «Италия — СССР» хотели убедиться своими глазами в том, что не все ленинградцы умерли от голода во время блокады, хотя перепечатанная на итальянском языке наша статья «Ленинградский “реквием”» в «Расенья Советика» и не давала повода так считать.

Между тем в Ленинграде, да и в Москве тоже, власти не подозревали, какая бомба заложена под официальную статистику блокадной смертности. Директор Ленинградского института травматологии им. В. Р. Вредена, профессор Ф. И. Машанский, к которому я приехал за рецензией на главу о здравоохранении Ленинграда для пятого тома «Очерков истории Ленинграда», одобряя главу в целом, отметил, что в ней «маловато» статистических материалов. На прощание, почти на лестнице, бывший заведующий Ленгорздравотделом исполкома Ленгорсовета доверительно посоветовал искать в архивах докладную записку А. А. Жданову о смертности в Ленинграде в годы войны и блокады, составленную и при его участии уже после того, как Ленинградская городская комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков представила свой доклад в Чрезвычайную государственную комиссию. Насколько я информирован, никто пока такой записки не обнаружил. Скорее всего, она была уничтожена вместе с другими документами в ходе следствия по «Ленинградскому делу».

В мае 1967 г. в издательстве «Наука» с посвящением «героическим защитникам Ленинграда» был опубликован пятый том «Очерков истории

Ленинграда», подготовленный коллективом ЛОИИ АН СССР³⁶. В нем впервые в блокадной историографии названы новые данные о жертвах голодной блокады среди мирного населения осажденного Ленинграда со ссылкой на «Ленинградский “реквием”». «Не менее 800 тыс. ленинградцев, погибших от голода и лишений, — таков итог вражеской блокады, — говорилось в заключении. — Всего же в Ленинграде и его пригородах за время вражеской блокады погибло около 1 млн человек»³⁷.

С этого времени началась длительная и временами драматическая борьба за утверждение объективного изучения одной из главных проблем блокадной историографии³⁸.

Часть V

Новая проблема: социальная психология в Русской революции

Первой книгой, полученной от С. Н. Валка на одном из моих отчетов у него дома, была изданная в 1911 г. «Психология русского рабочего вопроса» с пометой: «С. Н. Валк» на титульном листе. Судя по многочисленным отчеркиваниям на полях этой книги, С. Н. Валка глубоко волновала проблема положения и поведения рабочих Петрограда в канун событий 9 января 1905 г. Об интересе моего Учителя к этой проблеме свидетельствовали и другие книги, которые я мог заметить на его рабочем столе, на немецком, английском и французском языках. И я еще со студенческих времен заинтересовался этой проблемой тоже в порядке своего самообразования. Но когда после публикации «Ленинградского “реквиема”» стало очевидно, что не за горами то время, когда власти запретят заниматься проблемой жертв ленинградцев в годы блокады (очень скоро это подтвердилось), я был уже подготовлен заниматься этой проблемой серьезно. В 1967 г. я опубликовал статью «Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях»³⁹, которая была замечена видным московским историком Б. Ф. Поршневым, пригласившим меня участвовать в его сборнике статей⁴⁰. После этого я настолько осмелел, что предложил обсудить на методологическом семинаре ЛОИИ мой доклад «Проблемы социальной психологии в исторических исследованиях». И хотя выступавшие в дискуссии И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов не были склонны поддержать мои «новации», оставаясь на позициях экономического детерминизма, и только С. Н. Валк нашел мою постановку проблемы «оригинальной и заслуживающей внимания», доклад принес мне известность в ЛОИИ. Спустя несколько дней после методологической дискуссии, в которой, по общественному мнению в кулуарах, «старикам» не удалось положить меня «на лопатки», я был вызван впервые после переезда ЛОИИ в бывший особняк академика Н. П. Лихачева на Петроградской стороне на прием к новому заведующему института Н. Е. Носову. Признаться, ничего хорошего от этого приема я не ожидал, предполагая, что «шеф» может высказать свое неудовольствие моим отношением к оппонентам на семинаре. Но когда Н. Е. Носов напомнил, что именно он в свое время направлял в распределительную комиссию ЛГУ на меня заявку на работу в ЛОИИ, я даже не стал ему в свою очередь напоминать, что он тогда был еще

ученым секретарем, и предпочел ждать благополучного завершения приема. Но далее последовало невероятное предложение: руководство поручило мне сопровождать в течение недели приезжающего из Москвы для работы в архивах Ленинграда академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР Е. М. Жукова. Пресекая заранее мои попытки отказаться — за что мне такая честь? — Н. Е. Носов успокоил, сообщив, что моя кандидатура согласована с моим научным руководителем и одобрена самим Е. М. Жуковым, который завтра приезжает утром «Стрелой» и будет ждать меня в гостинице «Астория».

День приезда Е. М. Жукова в Ленинград для меня начался неожиданно удачно: при входе в гостиницу «Астория» швейцар обнаружил мою фамилию в списке «беспрепятственно пропускаемых», а на втором этаже академик-секретарь встретил меня у своего номера, чтобы за чашкой чая обсудить свою программу работы в Ленинградских архивах. Евгений Михайлович признался, что в тех архивах, которые он наметил для посещения, никогда не был, но начальник Архивного управления заверил, что ему предоставят возможность познакомиться с документами, которых еще никто не видел. Меня же Е. М. Жуков выбрал не в качестве эксперта, а сопровождающего, с которым можно обсуждать все, что его будет интересовать. Он предложил начать с Ленинградского государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, где нас уже ждали, а академическая «Волга», предоставленная в его распоряжение на неделю, стояла у выхода из «Астории». По дороге в архив любознательный академик поинтересовался, как давно я не был в этом архиве, на что я ответил, что занимаюсь в нем уже несколько лет и у меня даже есть полка для хранения выданных мне документов. «Замечательно, — сказал Е. М. Жуков, — я буду знакомиться с документами в отделе спецхранения, а вы будете работать со своими, а потом я приглашаю вас поехать обедать вместе со мной в гостиницу. Я вас найду».

За обедом в «Астории» Е. М. Жуков, еще не отошедший от увиденных на спецхранении документов, с удивлением признавался, что он бы не поверил, если бы не увидел своими глазами, что анкетные листы депутатов Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов всех партийных фракций, в том числе и большевистской, сохранились. Завтра обещали показать и другие уникальные документы из фонда Петроградского совета. И, обращаясь ко мне, спросил, какие документы я сейчас смотрю в архиве. Узнав, что я читаю письма рабочих и солдат, которые в 1917 г. поступали в Петроградский совет как символ новой власти, Е. М. заинтересовался этим видом источника и захотел их посмотреть. Я выразил сожаление, что у нас слишком мало времени, чтобы получить представление об этих письмах, но некоторые из них еще находятся на моей полке, и я завтра постараюсь показать. Что же касается меня, то я обречен их читать еще не один месяц, поскольку хочу написать книгу о революционной психологии рабочих и солдат Петрограда в 1917 г., но уже сейчас продвигу проблемы, начиная с утверждения темы на ученом совете и кончая публикацией книги.

На следующий день Е. М. Жукова в специально приготовленном для него кабинете ожидали редкие документы, которые не выдавались ввиду их

ветхости обычным читателям. Ознакомившись с материалами, он смог «побывать» на бурных собраниях Петроградского совета, проходивших сразу же после Февральской революции, и это его впечатлило. Войдя в общий читальный зал архива, где я его ждал с письмами рабочих и солдат в Петроградский совет, Е. М. Жуков поинтересовался, видел ли я документы, которые ему только что показывали. Я ответил утвердительно, поскольку меня с ними познакомил мой старший коллега Ю. С. Токарев, занимавшийся их расшифровкой и реконструкцией. Передумав читать письма рабочих и солдат, Е. М. Жуков предложил пойти погулять в Летний сад, находившийся поблизости от нашего архива на ул. Воинова (теперь снова ул. Шпалерная) и продолжить наш разговор на свежем воздухе.

Само приглашение погулять в Летнем саду говорило о том, что академик не стремится избежать общения со мной за пределами архива, и я счел неуместным продолжать начатый разговор в архиве о письмах рабочих и солдат. Летний сад, открывшийся недавно после просушки, был еще безлюден, мы сидели в маленьком кафе одни — в ожидании, когда нам сварят кофе. «Как хорошо, что я вырвался в Ленинград на несколько дней, — вдруг сказал Е. М. Жуков. — Здесь другие люди, другой воздух». И в этих недосказанных словах неординарной личности, к которой я проникся глубоким уважением и искренней симпатией с первых часов нашей встречи, было столько человеческой теплоты к этим «другим людям»... Я вспомнил его слова, когда в книге выдающегося историка Б. А. Романова «Письма к жене» встретил в одном из них (из Быково, от 20 августа 1941 г.) упоминание о Е. М. Жукове: «Вчера я виделся с Жуковым (мой оппонент на диспуте), секретарем Отделения истории и философии, и получил его заверения, что моя “Русско-японская война” может считаться 1) готовой, 2) возможной к печати...»⁴¹.

Теперь же Е. М. Жуков шел в Ленинградское отделение Института востоковедения, чтобы помочь его заведующему Ю. А. Петросяну.

На следующий день академик-секретарь собирался в Центральный государственный исторический архив СССР, который находился в здании бывшего Сената и рядом с гостиницей «Астория». Отпуская меня в этот день на заседание группы истории СССР советского периода, в которой, как уже говорилось, я состоял секретарем, Е. М. Жуков назначил встречу в день его отъезда из Ленинграда в номере гостиницы, чтобы закончить разговор о революционной России в 1917 г.

В назначенное время я был в его гостиничном номере с моими материалами, чтобы обсудить или передать их ему для ознакомления. Но неожиданно получил приглашение спуститься в ресторан, где уже собрались руководители ленинградских отделений академических гуманитарных институтов, с которыми он сегодня встречался в Институте востоковедения. Поблагодарив меня за материалы, Е. М. не скрывал, что знакомство с документами ленинградских архивов было для него весьма полезным и даже необходимым, поскольку ему предстоит в скором времени ответственное выступление, посвященное 50-летию Октябрьской революции, и он теперь лучше понимает 1917 г. Е. М. Жуков назвал свое вчерашнее посещение Центрального государственного историче-

ского архива большой удачей: он познакомился с уникальными документами из фонда Министерства торговли и промышленности Временного правительства. Заметив мое смущение и желание уклониться от предложения пойти в ресторан, Е. М. решительно взял меня под руку и со словами «нас уже ждут» направился вниз. В ресторане нас действительно ждали, вернее сказать, ждали академика-секретаря, но Е. М., представив меня как своего временного помощника в Ленинграде, посадил меня рядом с собой и открыл вечернее заседание за столом, подняв бокал за Ленинград и ленинградцев. Под прикрытием тамады от природы Ю. А. Петросяна и с разрешения Е. М. не мелькать среди провожающих его на вокзале я незаметно ушел с банкета.

Спустя неделю я получил в канцелярии ЛОИИ пакет, в котором были мои материалы и доклад Е. М. Жукова с запиской: «Г. Л.! С большой благодарностью возвращаю Ваши материалы. Прошу не отказать в любезности просмотреть критически текст моего доклада. Крепко жму Вашу руку. Е. Жуков. Привет Н. Е. Носову»⁴². (Слово «критически» было Е. М. Жуковым подчеркнуто. — Г. С.)

Сотрудничество с академиком-секретарем самым благотворным образом сказалось на моем научном положении в ЛОИИ. На очередном заседании ученого совета была утверждена и включена в план научной работы моя монография «Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда», на завершение которой отводилось три года. Мой научный руководитель, выступая на этом совете, сообщил, что по новой теме я уже предоставил статью, которая будет опубликована в первом выпуске сборника «Вспомогательные исторические дисциплины»⁴³. Теперь ничто и никто не мешал мне закончить работу в архивах и приступить к написанию текста, который уже был написан отдельными сюжетами. Весной 1972 г. я представил первый вариант своей рукописи на обсуждение группы истории СССР советского периода. Старшие коллеги: Ю. С. Токарев, О. Н. Знаменский и В. И. Старцев — поддержали меня и оценили мою работу как новое слово в изучении 1917 г., высказав при этом ряд полезных замечаний и предложений. Еще полгода напряженной работы — и рукопись с положительной рецензией профессора В. И. Селицкого поступила на рассмотрение ученого совета ЛОИИ, который утвердил ее к печати в конце 1972 г. Ответственным редактором был утвержден С. Н. Валк.

Однако далее возникли почти непреодолимые трудности: рукопись около года путешествовала из Ленинграда в Москву, что было связано с усилением партийного давления на историческую науку и в моем случае — преследованием за участие в защите директора института истории П. В. Волобуева от необъективных обвинений в ревизионизме ленинских положений о революции. В конце концов моя книга после почти года приключений вышла в свет⁴⁴. Однако, по мнению специалистов, она не утратила своей научной новизны. Позитивная оценка книги была дана в рецензиях известных историков — К. В. Гусева в «Вопросах истории»⁴⁵ и В. И. Старцева в «Новом мире»⁴⁶. Огромная заслуга в том, что я тогда выстоял и не поддался требованиям чиновников от науки изъять из книги «немарксистские» положения, принадлежит ответственному редактору книги С. Н. Валку, который на протяжении всего этого трудного периода поддерживал меня полностью и укреплял веру в мою правоту.

* * *

Мне выпала редчайшая удача встретить на своем жизненном пути уникальную личность, сочетавшую в себе выдающиеся качества ученого с готовностью и способностью помогать нуждающимся в его помощи. Профессор Сигизмунд Натанович Валк был первым и единственным профессором, который покорила меня этими качествами с первых дней моего обучения на историческом факультете ЛГУ и затем открыл во мне историка. В своих воспоминаниях я пытался восстановить по памяти, иногда прибегая к свидетельствам своих коллег, основные факты моей научной биографии, в которой главную роль сыграл мой Учитель. Именно под его благотворным влиянием я сформировался как историк Новейшего времени России, занимаясь такими важными проблемами, как история Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны, оборона и блокада Ленинграда, социальная психология рабочих и солдат в 1917 г. И как ученик С. Н. Валка я хотел бы подчеркнуть, что его привязанность к своему университету была органичной, а любовь — беззаветной. В постановлении президиума ученого совета ЛГУ от 17 октября 1961 г. его имя было названо среди ученых, «кто бескорыстно отдает свое время и знания студенческой молодежи», и специально отмечено, что «профессор С. Н. Валк, работающий в Ленинградском отделении истории АН СССР, читает лекционные курсы, решительно отказываясь от всякой платы, хотя по объему выполняемой работы (400 часов) он мог бы претендовать даже на штатное совмещение». В исторической ретроспективе факт глубокого влияния С. Н. Валка на историческое образование и нравственное воспитание многих поколений историков, как мне представляется, должен проявиться в новых исследованиях.

В последние годы своей непростой жизни Сигизмунд Натанович тяжело болел, хотя и скрывал свои недуги, не теряя связей с близкими, коллегами и учениками, пытался до последнего часа заниматься научными изысканиями. Он скончался 5 февраля 1975 г. на 88-м году жизни, стойко перенеся выпавшие на его долю испытания и лишения, оставив о себе светлую память. В день его гражданской панихиды Белоколонный зал главного здания университета — здания Двенадцати коллегий — не мог вместить всех, кто пришел проводить Сигизмунда Натановича в последний путь.

Санкт-Петербург — Орехово Северное.
2022–2023.

¹ «Мы знаем, что такое война...» Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / отв. ред. И. Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 405–407.

² Там же. С. 405.

³ Там же. С. 7.

⁴ Кутузов В. А. «Ленинградское дело» и ЛГУ // Университетские Петербургские чтения. Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград. 1703–2003: сб. ст. / под ред. Ю. В. Куривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2002. С. 243, 245, 254.

- ⁵ Там же. С. 251.
- ⁶ Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 1 / редкол.: С. Н. Валк, Б. В. Золотарев, В. В. Мавродин, Г. П. Макогоненко, Н. Н. Поляхов, Н. Г. Сладкевич (отв. ред.), Л. А. Шиллов. Л., 1962.
- ⁷ *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 169–183.
- ⁸ Там же. С. 170.
- ⁹ Там же. С. 175.
- ¹⁰ *Соболев Г. Л.* Они защищали нас (к выходу в свет «Книги Памяти Ленинградского-Санкт-Петербургского университета») // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Сер. 2, № 9. С. 121.
- ¹¹ *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в Новое время. 1871–1914. М., 1963.
- ¹² *Князев Г. А.* Дни великих испытаний: дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 265.
- ¹³ *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. М., 1959. С. 301.
- ¹⁴ *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. С. 301.
- ¹⁵ *Романов Б. А.* Письма к жене. СПб., 2023. С. 150.
- ¹⁶ Там же. С. 165.
- ¹⁷ Там же. С. 207.
- ¹⁸ Там же. С. 238.
- ¹⁹ Там же. С. 340.
- ²⁰ *Цамутали А. Н.* Историческая наука и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (По материалам Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН) // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. / отв. ред. В. А. Шишкин СПб., 1995. С. 39.
- ²¹ *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. С. 1096.
- ²² Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. С. 122.
- ²³ Цит. по: *Валк С. Н.* Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 332.
- ²⁴ Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 121.
- ²⁵ Цит. по: *Валк С. Н.* Избранные труды по археографии. С. 327.
- ²⁶ Там же. С. 331–332.
- ²⁷ Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка / редкол.: С. С. Волк, Л. С. Гапоненко, В. В. Мавродин, Н. Е. Носов (отв. ред.), А. Л. Шапиро. М.; Л., 1964 (Труды ЛОИИ; вып. 7).
- ²⁸ Там же. С. 504–513.
- ²⁹ *Соболев Г. Л., Токарев Ю. С.* Петроградский историко-революционный архив в первые годы Советской власти (1918–1923) // Там же. С. 6–14.
- ³⁰ *Токарев Ю. С.* Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в марте — октябре 1917 г. / отв. ред. О. Н. Знаменский. Л., 1976.
- ³¹ *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 151.
- ³² Там же. С. 153–154.
- ³³ Там же. С. 156.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Ковальчук В. М., Соболев Г. Л.* Ленинградский «реквием» (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 191–194.
- ³⁶ Очерки истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / редакция: В. М. Ковальчук (отв. ред.), Г. П. Александров, Е. А. Болтин, Ю. И. Заварухин, С. П. Князев, Ш. М. Левин, Н. Е. Носов, Г. Л. Соболев, А. Л. Фрайман. Л., 1967.
- ³⁷ Там же. С. 692.
- ³⁸ См.: *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 294–323.

³⁹ *Соболев Г.Л.* Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях // Критика новейшей буржуазной историографии: сб. ст. / отв. ред. О.Л. Вайнштейн Л., 1967. С. 91–128.

⁴⁰ История и психология: сб. ст. / под ред. Б.Ф. Поршнева и Л.И. Анциферовой. М., 1971.

⁴¹ *Романов Б.А.* Письма к жене. С. 377. Речь идет о состоявшемся в Москве 22 февраля 1941 г. докторском диспуте Б.А. Романова, в котором специалист по истории Японии Е.М. Жуков выступал вместе с Е.В. Тарле и А.Л. Сидоровым (см.: Там же. С. 130).

⁴² Личный архив Г.Л. Соболева.

⁴³ См.: *Соболев Г.Л.* Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. С.Н. Валк. Вып. 1. Л., 1968. С. 159–172.

⁴⁴ *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия / отв. ред. С.Н. Валк. Л., 1973.

⁴⁵ См.: Вопросы истории. 1975. № 5. С. 156–158.

⁴⁶ См.: Новый мир. 1974. № 6. С. 275–278.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2023 г.

Рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соболев Г.Л. «...Старейший и в своем роде несравненный историограф нашего времени...»: воспоминания ученика о профессоре Сигизмунде Натановиче Валке (части II–V) // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 8–32.

<https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.101>

Аннотация. Вторая — пятая части воспоминаний Геннадия Леонтьевича Соболева, российского историка, доктора исторических наук, почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженного деятеля науки РФ, специалиста в области истории России XX века, создателя научной школы историков русских революций и Гражданской войны, самого авторитетного исследователя истории блокады Ленинграда, посвящена его учителю Сигизмунду Натановичу Валку (1887–1975) и является продолжением публикации, вышедшей в прошлом году. Г.Л. Соболев описывает начальный этап своей работы в системе Академии наук СССР — секретарем в группе истории СССР советского периода, рассказывает о сотрудниках, с которыми он общался, о начале разработки большой темы об ученых Ленинграда в годы блокады, о последствиях «Ленинградского дела» для университета. Особое место в научной биографии Г.Л. Соболева заняло участие в подготовке пятого тома «Очерков истории Ленинграда» и совместная работа с ведущим специалистом по истории революции 1917 г. Ю.С. Токаревым. С теплотой автор воспоминаний пишет об участии в его профессиональной карьере московского историка А.В. Карасева — автора не утратившей и сегодня своего научного значения книги «Ленинградцы в годы блокады». Публикация в середине 1960-х гг. новых данных о смертности населения в заблокированном городе положила начало пересмотру вопроса об общих потерях в Ленинградской битве. В тексте статьи отмечается факт глубокого влияния С.Н. Валка на историческое образование и нравственное воспитание многих поколений историков.

Ключевые слова: воспоминания, Ленинградский государственный университет, исторический факультет, историческая наука, Ленинград.

Сведения об авторе: *Соболев Г.Л.* — д-р ист. наук, почет. проф., Санкт-Петербургский государственный университет; вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); g.sobolev@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

FOR CITATION

Sobolev G. L. “The Oldest and Incomparable Historiographer of Our Time”: Student’s Memories of Professor Sigismund Valk (Parts II–V)”, *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 1, 2024, pp. 8–32. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.101> (In Russian)

Abstract: The second part of the memoirs of Gennady Leontyevich Sobolev, Russian historian, Doctor of Historical Sciences, honorary professor of St. Petersburg State University, Honored Scientist of the Russian Federation, specialist in the history of Russia of the 20th century, founder of the scientific school of historians of the Russian revolutions and the Civil War, the most authoritative researcher of the history of the blockade Leningrad, dedicated to his teacher Sigismund Natanovich Valk (1887–1975). G. L. Sobolev describes the initial stage of his work in the system of the Academy of Sciences of the USSR — as a secretary in the group of history of the USSR of the Soviet period, talks about the employees with whom he communicated, about the beginning of the development of a large topic about scientists of Leningrad during the years of the siege, about the consequences of the “Leningrad Affair” for the university. A special place in the scientific biography of G. L. Sobolev was occupied by participation in the preparation of volume 5 of “Essays on the History of Leningrad” and joint work with a leading specialist in the history of the 1917 revolution, Yu. S. Tokarev. With warmth, the author of the memoirs writes about the participation in his professional career of the Moscow historian A. V. Karasev, the author of the book “Leningraders during the Siege”, which has not lost its scientific significance even today. The publication in the mid-1960s of new data on the mortality rate of the population in the blockaded city marked the beginning of a revision of data on total losses in the Battle of Leningrad. The text of the article notes the fact of the deep influence of S. N. Valk on the historical education and moral education of many generations of historians.

Keywords: memoirs, Leningrad State University, Faculty of History, historical science, Leningrad.

Author: *Sobolev G. L.* — Dr. Sci. in History, Professor Emeritus, St. Petersburg State University; Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); g.sobolev@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

References:

- Essays on the history of Leningrad*, vol. 5, *The period of the Great Patriotic War 1941–1945*, ed. by V. M. Kovalchuk et al. (Leningrad, 1967). (In Russian)
- Essays on the history of Leningrad University*, vol. 1, ed. by N. G. Sladkevich et al. (Leningrad, 1962). (In Russian)
- Ganelin R. Sh. *Soviet historians: what they talked about among themselves. Pages of memories of the 1940s–1970s* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- Karasev A. V. *Leningraders during the siege* (Moscow, 1959). (In Russian)
- Khvostov V. M. *History of diplomacy. Vol. 2. Diplomacy in modern times. 1871–1914* (Moscow, 1963). (In Russian)
- Knyazev G. A. *Days of great trials: diaries 1941–1945* (St. Petersburg, 2009). (In Russian)
- Kovalchuk V. M., Sobolev G. L. ‘Leningrad “requiem” (about the victims of the population of Leningrad during the war and blockade)’, *Voprosy istorii*, no. 12, 1965. (In Russian)
- Kutuzov V. A. ‘“The Leningrad Case” and Leningrad State University’ in *Universitetskie Peterburgskie chteniia. Sankt-Peterburg — Petrograd — Leningrad. 1703–2003*, eds Yu. V. Krivosheev, M. V. Khodjakov (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Research on domestic source studies. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Professor S. N. Valk*, ed. by N. E. Nosov et al. in *Proceedings of LOII*, vol. 7 (Moscow; Leningrad, 1964). (In Russian)
- Romanov B. A. *Letters to his wife* (St. Petersburg, 2023). (In Russian)
- Sobolev G. L. ‘Problems of social psychology in historical research’ in *Kritika noveishei burzhuaznoi istoriografii* (Leningrad, 1967). (In Russian)
- Sobolev G. L. *Revolutionary consciousness of workers and soldiers of Petrograd in 1917. The period of dual power*, ed. by S. N. Valk (Leningrad, 1973). (In Russian)

- Sobolev G. L. 'They defended us (for the publication of the "Book of Memory of Leningrad — St. Petersburg University")', *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. 2, no. 9, 1996. (In Russian)
- Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Confrontation Between Life and Death: Some Results of Studying the History of the Siege of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 2, 2021. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.201> (In Russian)
- Sobolev G. L., Tokarev Yu. S. 'Petrograd historical and revolutionary archive in the first years of Soviet power (1918–1923)' in *Proceedings of LOII*, vol. 7 (Moscow; Leningrad, 1964). (In Russian)
- Sobolev G. L. 'Letters to the Petrograd Council of Workers' and Soldiers' Deputies as a source for the study of social psychology in Russia in 1917' in *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, vol. 1, ed. by S. N. Valk (Leningrad, 1968). (In Russian)
- Sobolev G. L. 'Scientists of Leningrad University during the Great Patriotic War' in *Essays on the history of Leningrad University*, vol. 1, ed. by N. G. Sladkevich et al. (Leningrad, 1962). (In Russian)
- Tokarev Yu. S. *Petrograd Council of Workers' and Soldiers' Deputies in March–October 1917*, ed. by O. N. Znamensky (Leningrad, 1976). (In Russian)
- Tsamutali A. N. 'Historical science and the Great Patriotic War of 1941–1945. (Based on materials from the St. Petersburg branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences)' in *Leningrad science during the Great Patriotic War* (St. Petersburg, 1995). (In Russian)
- Valk S. N. *Selected works on archeography. Scientific heritage* (St. Petersburg, 1991). (In Russian)
- "We know what war is..." *Memoirs, letters, diaries of university students during the war years*, ed. by I. L. Tikhonov (St. Petersburg, 2010). (In Russian)

Received: March 24, 2023

Accepted: July 31, 2023